

Иван Тургенев

Яков Пасынков

Часть сборника
Первая любовь (сборник)

Иван Сергеевич Тургенев

Яков Пасынков

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=172655
Первая любовь. Повести: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-30777-7*

Аннотация

«Дело было в Петербурге, зимой, в первый день масленицы. Меня пригласил к себе обедать один мой пансионский товарищ, слышавший в молодости за красную девицу и оказавшийся впоследствии человеком вовсе не застенчивым. Он уже теперь умер, как большая часть моих товарищей. Кроме меня, обещали прийти к обеду некто Константин Александрович Асанов да еще одна тогдашняя литературная знаменитость. Литературная знаменитость заставила себя подождать и прислала наконец записку, что не будет, а на место ее явился маленький белокурый господин, один из тех вечных незваных гостей, которыми Петербург изобилует...»

Содержание

I	4
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Иван Сергеевич Тургенев

Яков Пасынков

I

Дело было в Петербурге, зимой, в первый день масленицы. Меня пригласил к себе обедать один мой пансионский товарищ, слывший в молодости за красную девицу и оказавшийся впоследствии человеком вовсе не застенчивым. Он уже теперь умер, как большая часть моих товарищей. Кроме меня, обещали прийти к обеду некто Константин Александрович Асанов да еще одна тогдашняя литературная знаменитость. Литературная знаменитость заставила себя подождать и прислала наконец записку, что не будет, а на место ее явился маленький белокурый господин, один из тех вечных незваных гостей, которыми Петербург изобилует.

Обед продолжался долго; хозяин не жалел вин, и наши головы понемногу разгорячились. Все, что каждый из нас таил у себя на душе – а кто не таит чего-нибудь на душе? – выступило наружу. Лицо хозяина внезапно потеряло свое стыдливое и сдержанное выражение; глаза его нагло заблестали, и пошлая усмешка скривила его губы; белокурый господин смеялся как-то дрянно, с глупым визгом; но Асанов больше всех удивил меня. Этот человек всегда отличался чувством

приличия, а тут начал вдруг проводить рукою по лбу, ломаться, хвастаться своими связями, беспрестанно упоминать о каком-то дядюшке своем, очень важном человеке... Я решительно не узнавал его; он явно подтрунивал над нами... он чуть не брезгал нашим обществом. Нахальство Асанова меня рассердило.

– Послушайте, – сказал я ему, – если мы так ничтожны в ваших глазах, ступайте к вашему знатному дядюшке. Но, может быть, он вас не пускает к себе?

Асанов ничего мне не ответил и продолжал проводить рукою по лбу.

– И что это за люди! – говорил он опять. – Ведь ни в одном порядочном обществе не бывают, ни с одной порядочной женщиной не знакомы, а у меня тут (воскликнул он, проворно вытащив из бокового кармана бумажник и стуча по нем рукой) – целый пук писем от такой девушки, какой в целом мире не найдешь подобной!

Хозяин и белокурый господин не обратили внимания на последние слова Асанова; они оба держали друг друга за пуговицу, и оба что-то рассказывали, но я наострил уши.

– Вот вы и схвастнули, господин племянник знатного лица! – сказал я, придвинувшись к Асанову, – писем у вас никаких нет.

– Вы думаете? – возразил он, свысока поглядев на меня, – а это что? – Он раскрыл бумажник и показал мне около десяти писем, адресованных на его имя... «Знакомый по-

черк!..» – подумал я.

Я чувствую, что румянец стыда выступает на мои щеки... мое самолюбие страдает сильно... Кому охота сознаться в неблагородном поступке?.. Но делать нечего: начав свой рассказ, я знал наперед, что мне придется покраснеть до ушей. Итак, скрепя сердце я должен сознаться, что...

Вот в чем дело: я воспользовался нетрезвостью Асанова, небрежно кинувшего письма на залитую шампанским скатерть (у меня у самого в голове порядком шумело), и быстро пробежал одно из этих писем...

Сердце во мне сжалось... Увы! я сам был влюблен в девушку, которая писала к Асанову, и теперь уж я не мог сомневаться в том, что она его любит. Все письмо, написанное по-французски, дышало нежностью и преданностью...

«*Mon cher ami Constantin!*»¹ – так начиналось оно... а кончалось словами: «Будьте осторожны по-прежнему, а я буду ничья или ваша».

Оглушенный, как громом, я несколько мгновений просидел неподвижно, однако наконец опомнился, вскочил и бросился вон из комнаты...

Через четверть часа я уже был на своей квартире.

Семейство Злотницких было одно из первых, с которым я познакомился после переезда моего в Петербург из Москвы. Оно состояло из отца, матери, двух дочерей и сына. Отец,

¹ «Дорогой друг Константин!» (фр.)

уже седой, но еще свежий мужчина, бывший военный, занимал довольно важное место, утром находился на службе, после обеда спал, а вечером играл в карты в клубе... Дома он бывал редко, разговаривал мало и неохотно, посматривал исподлобья не то угрюмо, не то равнодушно и, кроме путешествий и географий, не читал ничего, а когда занемогал, раскрашивал картинки, запершись в своем кабинете, или дразнил старого серого попугая Попку. Жена его, больная и чахоточная женщина, с черными впалыми глазами и острым носом, по целым дням не сходила с дивана и все вышивала подушки по канве; она, сколько я мог заметить, побаивалась мужа, точно она в чем перед ним когда-то провинилась. Старшая дочь, Варвара, полная, румяная и русая девушка, лет восемнадцати, все сидела у окна и разглядывала прохожих. Сынок воспитывался в казенном заведении, являлся домой только по воскресеньям и тоже не любил понапрасну тратить слова; даже младшая дочь, Софья, именно та девица, в которую я влюбился, была свойства молчаливого. В доме Злотницких постоянно царствовала тишина; одни пронзительные крики Попки прерывали ее; но гости скоро привыкали к ним и снова ощущали на себе тяжесть и гнет этой вечной тишины. Впрочем, гости редко заглядывали к Злотницким: скучно было у них. Самая мебель, красные с желтоватыми разводами обои в гостиной, множество плетеных стульев в столовой, гарусные полинялые подушки с изображением девиц и собак по диванам, рогатые лампы

и сумрачные портреты на стенах – все внушало невольную тоску, от всего веяло чем-то холодным и кислым. Приехав в Петербург, я почел долгом явиться к Злотницким: они доводились сродни моей матушке. Я с трудом высидел час и долго не возвращался; но понемногу стал ходить все чаще и чаще. Меня привлекала Софья, которая сперва мне не понравилась и в которую я наконец влюбился.

Это была девушка небольшого роста, стройная, почти худая, с бледным лицом, густыми черными волосами и большими карими, всегда полужакрытыми глазами. Ее черты, строгие и резкие, особенно ее сжатые губы, выражали твердость и силу воли. В доме знали ее за девушку с характером... «По старшей сестре пошла, по Катерине, – сказала однажды Злотницкая, сидя со мной наедине (при муже она не смела упомянуть об этой Катерине). – Вы ее не знаете: она на Кавказе, замужем. Тринадцати лет, представьте, влюбилась в своего теперешнего мужа и тогда же нам объявила, что за другого не пойдет. Уж мы что ни делали – ничего не помогло! До двадцати трех лет ждала, отца прогневила и пошла-таки за своего идола. Долго ли до греха и с Сонечкой! Сохрани ее господь от такого упрямства! А боюсь я за нее: ведь ей только шестнадцать лет минуло, а уж ее не переломишь...»

Вошел г. Злотницкий; жена его тотчас замолкла.

Собственно, мне Софья полюбилась не за силу воли – нет, но в ней, при всей ее сухости, при недостатке живости и во-

ображения, была своего рода прелесть, прелесть прямодушная, честной искренности и чистоты душевной. Я столько же уважал ее, сколько любил... Мне казалось, что и она ко мне благоволила; разочароваться в ее привязанности, убедиться в ее любви к другому было мне больно.

Неожиданное открытие, сделанное мною, тем более удивило меня, что г. Асанов посещал дом Злотницких не часто, гораздо реже меня, и никакого особого предпочтения Сонечке не оказывал. Это был красивый брюнет с выразительными, хотя несколько тяжелыми чертами лица, с блестящими глазами навывкате, с большим белым лбом и пухлыми, красными губками под тонкими усами. Он держал себя весьма скромно, но строго, говорил и судил самоуверенно, молчал с достоинством. Видно было, что он много о себе думал. Асанов смеялся редко, и то сквозь зубы, и никогда не танцевал. Сложен он был довольно мешковато. Он когда-то служил в...м полку и слыл за дельного офицера.

«Странное дело! – размышляя я, лежа на диване, – как же это я ничего не заметил?..» «Будьте осторожны по-прежнему»: эти слова Софьины письма вдруг пришли мне на память. «А! – подумал я, – вот что! Вишь, хитрая девчонка! А я считал ее откровенной и искренней... Ну, так постойте же, я покажу вам...»

Но тут я, сколько мне помнится, заплакал горько и до утра не мог заснуть.

На другой день, часу во втором, отправился я к Злотницким. Старика не было дома, и жена его не сидела на своем обычном месте: у ней, после блинов, разболелась голова, и она пошла полежать к себе в спальню. Варвара стояла, прислонившись плечом к окну, и глядела на улицу; Софья ходила взад и вперед по комнате, скрестив на груди руки; Попка кричал.

– А! здравствуйте! – лениво проговорила Варвара, как только я вошел в комнату, и тотчас прибавила вполголоса: – А вон мужик идет с лотком на голове... (У ней была привычка произносить изредка, и словно про себя, замечания о прохожих.)

– Здравствуйте, – ответил я, – здравствуйте, Софья Николаевна. А где Татьяна Васильевна?

– Пошла отдохнуть, – возразила Софья, продолжая расхаживать по комнате.

– У нас блины были, – заметила Варвара, не оборачиваясь. – Что вы не пришли?.. Куда этот писарь идет?

– Да некогда было. («На кра-ул!» – резко закричал попугай.) Как ваш Попка сегодня кричит!

– Он всегда так кричит, – промолвила Софья.

Все мы помолчали.

– Зашел в ворота, – проговорила Варвара и вдруг встала на оконницу и отворила форточку.

– Что ты? – спросила Софья.

– Нищий, – ответила Варвара, нагнулась, достала с окна

медный пятак, на котором еще возвышался серенькой кучкой пепел курительной свечки, бросила пятак на улицу, захлопнула форточку и тяжело спрыгнула на пол...

– А я вчера очень приятно время провел, – начал я, садясь в кресла, – я обедал у одного приятеля; там был Константин Александрыч... (Я посмотрел на Софью, у ней даже бровь не поморщилась.) И, надобно сознаться, – продолжал я, – мы таки покутили; вчетвером бутылок восемь выпили.

– Вот как! – спокойно произнесла Софья и покачала головой.

– Да, – продолжал я, слегка раздраженный ее равнодушием, – и знаете ли что, Софья Николаевна? ведь точно, недаром гласит пословица, что истина в вине.

– А что?

– Константин Александрыч нас рассмешил. Представьте себе: вдруг принялся этак рукою по лбу проводить и приговаривать: «Какой я молодец! у меня дядя знатный человек!..»

– Ха-ха! – раздался короткий, отрывистый смех Варвары... «Попка! попка! попка!» – забарабанил ей в ответ попугай.

Софья остановилась передо мною и посмотрела мне в лицо.

– А вы что говорили, – спросила она, – не помните?

Я невольно покраснел.

– Не помню! должно быть, и я хорош был. Действитель-

но, – прибавил я с значительной расстановкой, – пить вино опасно: как раз проболтаешься и то скажешь, что бы никому не следовало знать. Будешь раскаиваться после, да уж поздно.

– А вы разве проболтались? – спросила Софья.

– Я не о себе говорю.

Софья отвернулась и снова принялась ходить по комнате. Я глядел на нее и внутренне бесился. «Ведь вишь, – думал я, – ребенок, дитя, а как собой владеет! Каменная просто. Да вот, постой...»

– Софья Николаевна... – проговорил я громко.

Софья остановилась.

– Что вам?

– Не сыграете ли вы что-нибудь на фортепьяно? Кстати, мне вам нужно что-то сказать, – прибавил я, понизив голос.

Софья, ни слова не говоря, пошла в залу; я отправился вслед за ней. Она остановилась у рояля.

– Что же мне вам сыграть? – спросила она.

– Что хотите... Ноктюрн Шопена.

Софья начала ноктюрн. Она играла довольно плохо, но с чувством. Сестра ее играла одни только польки и вальсы, и то редко. Подойдет, бывало, своей ленивой походкой к роялю, сядет, спустит бурнус с плеч на локти (я не видал ее без бурнуса), заиграет громко одну польку, не кончит, начнет другую, потом вдруг вздохнет, встанет и отправится опять к окну. Странное существо была эта Варвара!

Я сел подле Софьи.

– Софья Николаевна, – начал я, пристально посматривая на нее сбоку, – я должен вам сообщить одну неприятную для меня новость.

– Новость? какую?

– А вот какую... Я до сих пор в вас ошибался, совершенно ошибался.

– Каким это образом? – возразила она, продолжая играть и устремив глаза на свои пальцы.

– Я думал, что вы откровенны; я думал, что вы не умеете хитрить, скрывать свои чувства, лукавить...

Софья приблизила лицо свое к нотам.

– Я вас не понимаю.

– А главное, – продолжал я, – я никак не мог вообразить, что вы, в ваши годы, уже умеете так мастерски разыгрывать роль...

Руки Софьи слегка задрожали над клавишами.

– Что вы это говорите? – проговорила она, все не глядя на меня, – я разыгрываю роль?

– Да, вы. (Она усмехнулась... Злость меня взяла...) Вы притворяетесь равнодушной к одному человеку и... и пишете к нему письма, – прибавил я шепотом.

Щеки Софьи побледнели, но она не обернулась ко мне, доиграла ноктюрн до конца, встала и закрыла крышку рояля.

– Куда же вы? – спросил я ее не без смущения. – Вы мне не отвечаете?

– Что мне вам отвечать? Я не знаю, о чем вы говорите...

А притворяться я не умею.

Она начала укладывать ноты...

Кровь мне бросилась в голову.

– Нет, вы знаете, о чем я говорю, – промолвил я, также вставая, – и хотите ли, я вам сейчас напомню некоторые ваши выражения в одном письме: «Будьте осторожны по-прежнему...»

Софья слегка вздрогнула.

– Я этого никак от вас не ожидала, – проговорила она наконец.

– И я никак не ожидал, – подхватил я, – что вы, вы, Софья Николаевна, удостоили вашим вниманием человека, который...

Софья быстро ко мне обернулась; я невольно отступил от нее: глаза ее, всегда полузакрытые, расширились до того, что казались огромными, и гневно сверкали из-под бровей.

– А! коли так, – проговорила она, – знайте же, что я люблю этого человека и что мне совершенно все равно, какого вы мнения о нем и о моей любви к нему. И с чего вы взяли?.. Какое вы имеете право это говорить? А если я на что решилась...

Она умолкла и проворно вышла вон из залы.

Я остался. Мне вдруг стало так неловко и так совестно, что я закрыл лицо руками. Я понял все неприличие, всю низость своего поведения и, задыхаясь от стыда и раскаяния,

стоял как опозоренный. «Боже мой! – думал я, – что я наде-
лал!»

– Антон Никитич, – послышался голос горничной в пе-
редней, – пожалуйста скорей стакан воды для Софьи Никола-
евны.

– А что? – ответил буфетчик.

– Кажись, плачут-с...

Я содрогнулся и пошел в гостиную за своей шляпой.

– О чем вы толковали с Сонечкой? – равнодушно спроси-
ла меня Варвара и, помолчав немного, прибавила вполголо-
са: – Опять этот писарь идет.

Я начал раскланиваться.

– Куда же вы? Погодите: маменька сейчас выйдет.

– Нет, уж мне нельзя, – проговорил я, – я уж лучше в дру-
гой раз.

В это мгновение, к ужасу моему, именно к ужасу, Софья
твердыми шагами вошла в гостиную. Лицо ее было бледнее
обыкновенного, и веки чуть-чуть покраснели. На меня она
и не взглянула.

– Посмотри, Соня, – промолвила Варвара, – какой-то пи-
сарь все около нашего дома ходит.

– Шпион какой-нибудь... – холодно и презрительно заме-
тила Софья.

Это уж было слишком! Я ушел и, право, не помню, как
дотащился домой.

Мне было очень тяжело, так тяжело и горько, что и описать невозможно. В одни сутки два такие жестокие удара! Я узнал, что Софья любит другого, и навсегда лишился ее уважения. Я чувствовал себя до того уничтоженным и пристыженным, что даже негодовать на себя не мог. Лежа на диване и повернувшись лицом к стене, я с каким-то жгучим наслаждением предавался первым порывам отчаянной тоски, как вдруг услышал шаги в комнате. Я поднял голову и увидел одного из самых коротких моих друзей – Якова Пасынкова.

Я готов был рассердиться на каждого человека, который вошел бы ко мне в комнату в этот день, но на Пасынкова сердиться не мог никогда; напротив, несмотря на пожиравшее меня горе, я внутренне обрадовался его приходу и кивнул ему головой. Он, по обыкновению, прошел раза два по комнате, кряхтя и вытягивая свои длинные члены, молча постоял передо мною и молча сел в угол.

Я знал Пасынкова очень давно, почти с детства. Он воспитывался в том же частном пансионе немца Винтеркеллера, в котором и я прожил три года. Отец Якова, бедный отставной майор, человек весьма честный, но несколько поврежденный в уме, привез его, семилетнего мальчика, к этому немцу, заплатил за него за год вперед, уехал из Москвы, да и пропал без вести... Изредка ходили о нем темные, странные слухи. Только лет через восемь узнали с достоверностью, что он утонул в половодье, переправляясь через Иртыш. Что его занесло в Сибирь – господь ведает. У Якова других родных

не было; мать его давным-давно умерла. Он так и остался на руках Винтеркеллера. Правда, была у Якова отдаленная родственница, тетка, но до того бедная, что сначала боялась ходить к своему племяннику, как бы не навязали его ей на шею. Страх ее оказался напрасным: добродушный немец оставил у себя Якова, позволил ему учиться вместе с другими воспитанниками, кормил его (за столом его, однако, обносили десертом по будням) и платье ему перешивал из поношенных камлотовых капотов (большой частью табачного цвета) своей матери, престарелой, но еще очень бойкой и распорядительной лифляндки. Вследствие всех этих обстоятельств и вообще вследствие подчиненного положения Якова в пансионе товарищи обращались с ним небрежно, глядели на него свысока и называли его то бабьим капотом, то племянником чепца (тетка его постоянно носила весьма странный чепец с торчавшим кверху пучком желтых лент в виде артишока), то сыном Ермака (так как отец его утонул в Иртыше). Но, несмотря на эти прозвища, несмотря на смешные его платья, на его крайнюю бедность, все его очень любили, да и невозможно было его не любить: более доброй, благородной души, я думаю, и на свете не было. Учился он также очень хорошо.

Когда я увидел его в первый раз, ему было лет шестнадцать, а мне только что минул тринадцатый год. Я был очень самолюбивый и избалованный мальчик, вырос в довольно богатом доме и потому, поступив в пансион, поспешил сблизиться с одним князьком, предметом особенных попечений

Винтеркеллера, да еще с двумя-тремя маленькими аристократами, а со всеми другими важничал. Пасынкова я не удостоил даже внимания. Этот длинный и неловкий малый, в безобразной куртке и коротких панталонах, из-под которых выглядывали толстые нитяные чулки, казался мне чем-то вроде казачка из дворовых или мещанского сына. Пасынков был очень вежлив и кроток со всеми, хотя ни в ком никогда не заискивал; если его отталкивали – он не унижался и не дулся, а держался в стороне, как бы сожалея и выжидая. Так он поступил и со мной. Прошло около двух месяцев. Однажды, в летний ясный день, проходя после шумной игры в лапту со двора в сад, увидел я Пасынкова, сидевшего на скамейке под высоким кустом сирени. Он читал книгу. Я взглянул мимоходом на переплет и прочитал на спинке имя Шиллера: «Schiller's Werke»²

² «Сочинения Шиллера» (нем.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.